

—Значит так,— сказал Закиров,—мюзик-холл нам мне нравится. Даже очень. Из этого буду исходить, это буду доказывать.

Его глаза азартно блеснули.

Закиров упреждал мою мысль, потому что я не совсем был согласен в «Путешествии Синдбада-мореплавателя» — первом спектакле ташкентского мюзик-холла, который он показывал на гастролях в разных городах, в том числе и в Киеве.

Ну, например, первое отделение — сюжетно стройное, остроумное и иногда даже саркастически злое, — шло едва ли не в темпе циркового антре, а во втором начинался обычный концерт.

Правда, логическая связь все-таки была — свадьба. Во второй половине программы мюзик-холл показывал ее завершающий день, когда перед молодыми выступают артисты, музыканты, певцы... Но происходил слишком уж очевидный сдвиг ритма.

Я сказал все-таки об этом народному артисту УзССР, художественному руководителю ташкентского мюзик-холла Батыру Закирову.

Он взглянул на меня весело.

— Вы толкаете меня на длинный разговор о природе мюзик-холла. Это старо. Ладно, я вам отвечу. Мои принципы таковы: первый — избежать штампов, второй — дать о нашей республике как можно больше информации средствами искусства, третий — мюзик-холл это все-таки «загмированный концерт». Исходя из этого, мы и строим наше представление.

— Все это верно, Батыр Каримович, но мы как-то привыкли, что необходим сюжет — ну, все это похождения жениха и невесты, коварство шайтана, благородство звездочета и Синдбада должны быть связаны между собой. Ленинградцы, к примеру, восточную тему решили по-другому. Там были и экзотика, и будоражащие фантазию краски...

— Современный Восток не совсем такой. Он жизнерадостен, сказочен, иронически мудр. Но еще и деловой, энергичный...

Спор этот, кажется, правился Закирову: у него выработаны свои твердые эстетические критерии, и он чувствует, что его любимый Восток мало кто знает так, как он.

Он спорил, увлекался до чрезвычайности. Вдруг сказал:

— Ну, хорошо. Мне еще сегодня петь, приходите на концерт.

О Батыре Закирове как

певце рассказывать не надо. О таких «голосах» говорят: «за душу берет». Закиров поет давно, а известным стал еще на VI Всемирном фестивале молодежи в Москве. Он вонетичу открыл перед широким кругом слушателей Восток. Но еще раньше, разумеется, открыл его для себя.

— Ведь это так, Батыр Каримович?

— Если вы родились в театральной семье, где атмосфера буквально наэлектризована выдумкой и экспромтом, где жизнь сценическая чуть ли не более правдоподобна, чем жизнь реальная, где не умеешь петь, рисовать или играть просто невозможно, если к тому же вы живете в Ташкенте — городе, в котором яр-

кая, для меня — узбекская, арабская! Мы открыли «свой» Восток — все эти переливающиеся мелодии, мажорные загадочной красотой. Первая песня, которую я исполнил, между прочим, была «Арабское танго».

И еще: я пел на языке первоисточника. Мне казалось, что переводной текст слишком явно обнажает таннисто слово и звукоочетаний. Зарубежные песни иногда лучше петь на их родном языке, потому что в большинстве случаев их слова для нас звучат странно. В общем, мне и раньше казалось, что достаточно создать в песне «искренний эмоциональный поток». Но потом, когда я стал исполнять песни протеста, я понял — без слов обойтись

не ошибаюсь, французская песня; но вы, Батыр Каримович, сделали ее похожей на узбекскую.

— Это вы серьезно?

— Так мне показалось.

— А понравилась песня?

— В общем, да.

— К чему тогда анализ?

...Впрочем, он, конечно, нужен. Но не для того, чтобы выяснить, какой песня получилась, а — как получилась. Говорят, человек — это стиль. Беда, когда это не так. А это, к сожалению, случается еще довольно часто.

— Это старый разговор...

— У искусства вообще законы старые. Наш мюзик-холл, кстати, я был создан как бы в силу противодействия привычному концертному жанру, в котором я раньше выступал.

— Вы имеете в виду государственный эстрадный оркестр Узбекистана, где были художественным руководителем?

— Именно.

— Но там ведь вы тоже пели!

— Пел. Но то, что мы делали раньше и теперь, существенно отличается. Песня сегодня, к сожалению, из «сильнодействующего» средства «постепенно превращается в некое украшательство быта. В то время как песня, мне кажется, должна быть полупредом искусства: открывать новые горизонты, будоражить мысль, отражать эмоциональный строй народа. Я пою много узбекских песен, собираем мы их часто в кишлаках, просто на улицах, базарах. Знаете, какие у нас базары!

Но вот вам пример того, что песня не только воспитывает, но и раздвигает культурный кругозор человека. Случается, приезжаешь в глухой кишлак, где раньше не знали, что такое саксофон, а тебя просят спеть что-нибудь из «французских шансонье». Уровень требований к песне в Средней Азии неизмеримо вырос.

— А каков этот уровень у вас в мюзик-холле?

— Некоторые современные эстрадные певцы работают по принципу: появилась удачная песня — включил в свой репертуар. Мы же стараемся отыскать такое произведение, в котором может проявиться талант исполнителя.

— Голос — это всего лишь инструмент, который звучит тогда, когда согрет душевным теплом, искренностью. У нас заслуженный артист УзССР Юнус Тураев поет украинские песни. И поет хорошо: без фальши, экзальтации. Так что не думайте, что наш выбор ограничивается только «близкими» мелодиями.

А. РОГИНСКИЙ.

кость красок может даже примелькаться... Если все это есть, то ваше замечание справедливо.

— Но был, вероятно, какой-то толчок, после которого эта любовь стала полнокровной, зримой?

— Разумеется... Мы с сестрой Луизой — заслуженной артисткой УзССР — в детстве очень удачно подражали тому, что видели в спектаклях: в которых участвовали наши родители. Почему-то нам казалось, что лучше всего это могут сделать куклы. У нас дома был настоящий кукольный театр. Я рисовал наших героев, потом с сестрой мы разыгрывали оперы, спектакли.

К слову, я не собирался становиться певцом, живопись привлекала меня больше. Куклы были забавой, детской игрой, подготовкой к чему-то более серьезному.

Этим серьезным и стала песня. Для Луизы — индий-

нельзя, хотя музыка, как, пожалуй, никакое другое искусство, может передать во всей глубине и радость, и сомнение, и гнев. В песнях протеста нужно обязательно указывать, против чего ты протестуешь. Тут абстрактный гнев неуместен.

Я стал петь и многие лирические произведения в переводном варианте...

...Его белый костюм словно светится на фоне темного бархата сцены. Закиров еще не поет. И когда рождается голос, он кажется сотканным из тишины южной теплой ночи. Мелодия ломкая и нежная, наполняет пространство, уносится вверх, набирает силу...

Голос, один только голос. И горное эхо. Оно зыбко и тревожно отзывается в зале. И, вспыхнув ярким пламенем, гаснет в разливах тишины.

— Ведь это была, если